https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.38

Шиженский Роман Витальевич, Жбанников Сергей Викторович

Архетипы современного славянского язычества (на примере художественного фильма "Сторожевая застава")

В предлагаемой статье на примере основных констант сюжетной линии украинского фильма жанра фэнтези "Сторожевая застава" (Украина, студия "Кинодел", режиссер Ю. Ковалев, 2017 г.) рассматриваются архетипы - конструкты славянского язычества XXI века. К последним относятся представления об эпохе этноориентированного славянского "золотого века" (в пространствах художественной картины: застава "Римов", село Аистово); собственная система управления, соединившая элементы военной демократии и теократии (совет "Трѐх богатырей" и деда Евсея); синкретизм культовой символики (присутствие в пределах одной этноконфессиональной, монокультурной группы христианской, языческой и неоязыческой символики); сакрализация служителей культа (невидимость волхва, управление пространством и т.д.); религиозный эклектизм (церковь, крестное знамение, Велес, Перун, Голем и др.).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/38.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 184-187. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия религии и религиоведение

Philosophy of Religion and Religious Studies

УДК 1; 299.18 Дата поступления рукописи: 01.12.2019
https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.38

В предлагаемой статье на примере основных констант сюжетной линии украинского фильма жанра фэнтези «Сторожевая застава» (Украина, студия «Кинодел», режиссер Ю. Ковалев, 2017 г.) рассматриваются архетипы – конструкты славянского язычества XXI века. К последним относятся представления об эпохе этноориентированного славянского «золотого века» (в пространствах художественной картины: застава «Римов», село Аистово); собственная система управления, соединившая элементы военной демократии и теократии (совет «Трёх богатырей» и деда Евсея); синкретизм культовой символики (присутствие в пределах одной этноконфессиональной, монокультурной группы христианской, языческой и неоязыческой символики); сакрализация служителей культа (невидимость волхва, управление пространством и т.д.); религиозный эклектизм (церковь, крестное знамение, Велес, Перун, Голем и др.).

Ключевые слова и фразы: современное славянское язычество; архетипы; фэнтези; волхвы; синкретизм; пантеон.

Шиженский Роман Витальевич, к.и.н., доцент
Жбанников Сергей Викторович
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
heit@inbox.ru; sergeizhbannikov@mail.ru

Архетипы современного славянского язычества (на примере художественного фильма «Сторожевая застава»)

Язычество второго десятилетия XXI в., находясь на очередном трансформационном витке, значительно расширило сферу прогнозируемого идеологического влияния. К традиционному кругу праздников, этнофестивалей, конференций, семинаров и серийных выпусков специализированной периодики, монографий, раздаточного материала в формате листовок, памяток-агиток добавилась индустрия «осязаемого язычества», представленная огромным количеством «обережной продукции» и брендовой одежды. Вне конкуренции находится художественная литература. Причём языческий мотив вышел далеко за рамки узкой специализации жанра фэнтези и вполне свободно чувствует себя на просторах исторических повестей и романов.

Кроме того, обогатился и формат привычных форм общения служителей культа (харизматических лидеров новых религиозных движений) [6] с реальной «паствой» и культовой средой [15, с. 94] – язычниками на перспективу. Распространение получают серии платных вебинаров, лекционных тематических видеодисков, личных сайтов идеологов-одиночек и сайтов объединений, языческих новостных страниц социальных интернет-сетей и т.д. Мутации подвергается и «классическая» книжная отрасль. Собственные произведения авторов от язычества обогащаются за счет привнесения в текст признанного источникового материала, забытых и малоизвестных фрагментов этнографических исследований. В результате издаваемый синкретический продукт воспринимается рядовым читателем как достоверный исторический материал, раскрывающий особенности мировоззрения далеких предков. Более того, в настоящее время диаспоральное сообщество славянских язычников вышло далеко за пределы религиозных конструкций, сумев разработать собственную гастрономию и даже особый язык [17].

Актуальным в данной связи становится изучение одной из комфортных зон современного язычества – области кинематографии. Языческие образы и мотивы предстают перед зрителями массового игрового кино как в завуалированной («Аватар»), так и во вполне открытой пиар-форме («Викинги», «Вальгалла»). Умышленно или нет, но режиссеры нового кино зачастую сценарируют идеальный языческий мир, выводя на экран важнейшие архетипы мировоззренческого феномена.

Научная новизна данной статьи состоит в рассмотрении особенностей репрезентации славянского язычества XXI века сквозь призму визуальных источников (художественной кинематографии).

Цель работы заключается в определении мировоззренческих архетипов, характерных для современного языческого движения (диаспоральность, этноориентированность, религиозный синкретизм), на примере украинского фильма жанра фэнтези «Сторожевая застава».

В основе сценария ленты (Украина, студия «Кинодел», режиссер Ю. Ковалев, 2017 г.) – одноименная повесть Владимира Рутковского. Действие «Сторожевой заставы» разворачивается вокруг школьника Вити, попавшего из XXI века в 1120 г. через магический временной портал, активизированный во время солнечного затмения. Портал переносит украинского школьника в эпоху противостояния Руси и половецких княжеств. В центре борьбы, с одной стороны, половецкий хан Андак, направляемый шаманом, с другой – стоящие на границе с ордой три богатыря (Илья, Добрыня и Алеша), руководимые старейшиной – дедом Евсеем.

Застава «Римов» – территориальный и смысловой центр фильма. С «Римовым» связано большинство ключевых событий киноповествования. Передовой рубеж славянской обороны показан как идеальный микромир. Подчеркнём, микромир – славянский. Противопоставление с не своим, иноэтничным – половецким – в картине достигается как через открытый вооружённый конфликт с ордой Андака, заточение в клетке брата хана Тугарина, так и через мифологическую войну – путь половцам на заставу преграждает Велес, обитающий в болоте; шаману в поисках волшебного камня, способного пробудить каменного великана Голема, помогают духи. Контраст между «светлым» славянским миром и «темным» половецким усиливается в сюжете с нападением половцев на село Аистово. Странная форма домов, имеющая вид гнезд, головных уборов, украшений, даже климат Аистово полярны представленному на экране пространству кочевников. Более того, Аистово предстаёт как идеальная, «мирная» модель самого Римова – славянского «города солнца». Построение замкнутого («сторожевого») пространства, в некоторых случаях закрытого не только территориально, но и этнически [1], – одна из моделей младоязыческого золотого века. Так, попытка построения «Римова-Аистова» в реалиях советского времени фиксируется уже в практической деятельности первого советского язычника Доброслава (А. А. Добровольского (1938-2013 гг.)). В 1990 г., как отмечал Доброслав, он осуществил свою давнюю мечту и порвал с цивилизацией [9; 13]. Добровольное отшельничество – случай уникальный, явление, практически не имеющее аналогов в отечественной версии современного язычества. Оно не вписывается, вернее сказать, противоречит одному из основных выводов исследователей вопроса об исключительно урбанистической природе рассматриваемого феномена XX-XXI вв. [11, с. 36; 19, с. 13]. Заброшенная деревня Васенёво Шабалинского района весной 1990 г. приютила целую группу, несколько семей современных нативистов. Возможно, при благоприятном стечении последующих обстоятельств российское общество получило бы уже во времена погибающего СССР экологическое поселение, движение, столь популярное на современных территориях постсоветского пространства. В данной связи следует отметить особое значение языческого единоверия, царившего в семье Доброслава, ставшего определяющим в решающе-критические 1990-1991 гг. [9, с. 3]. Примечательно, что в своей видеолекции 2006 г. Добровольский отрицательно высказывается по поводу отъезда русских этнофоров из городов в деревни для создания экопоселений [14].

Деревушка Васенёво начала 1990-х гг. становится своеобразным паломническим языческим центром, корнем ремифологизированного мирового древа. Как отмечает А. Степанов, люди искали живой струи. Многие не находили желаемого в общине славяногорцев Селидора (А. К. Белова), круге общения В. Н. Емельянова, размышлениях языческих одиночек, и поэтому «люди из Москвы и Питера каким-то образом сорганизовывались и выезжали на летние поселения в Оборону, недалеко от Васенёво, где поселился Доброслав. Устраивали праздники. Купалу и Перуна» [12]. Пример природно-деревенского варианта движения, нашедшего выражение пусть и не в массовой «русской языческой земледельческой общине», а в отдельно взятой семье Добровольских, встретил одобрение в среде нарождающейся просветительской элиты от лагеря альтернативной религиозности. В настоящее время «проект Аистово» реализуется в разнообразии так называемых «родовых поместий» и экопоселений [16, с. 131].

Иногда лидеры нового религиозного течения обогащают характеристики потерянного и искомого прошлого, выводя параметры достижения земного рая и даже предлагая локальные модели “Civitas Solis”. К примеру, один из активно пишущих идеологов славянского язычества конца XX – начала XXI в. Велимир (Н. Н. Сперанский) считает таким местом российские северные территории с копной системы самоуправления [3, с. 38]. На страницах монографии «Родноверие» автор, кроме идеализации общинного устройства в правовом отношении, обращает внимание на экономику, территориальные и управленческие особенности выбранной им образцовой формы мироустройства. В качестве основной территориальной единицы, объединяющей свободное русское население, волхв называет волость с селом в качестве центра – «столицы» и массой деревень, разбитых на дворы [5, с. 127-128]. Велимир подчёркивает, что подобное устройство ограничивало передвижение чужих и минимизировало контакт волости с представителями «внешнего мира» власти, создавая свободного человека («самого себе хозяина») [2, с. 851].

В определённом соответствии с золотым веком общинного родового строя Н. Н. Сперанский разрабатывает концепцию языческих коалиций XXI в. «Законодательной» базой для внедрения проекции в жизнь остаётся всё тот же союз первоэлементов – народной религии (язычества) и народного управления [4 с. 50]. Заявленный тезис идеолог от оппозиционной религиозности усиливает заключением о приобщении русского языческого движения к культурообразующей религии через рост языческого самосознания народных масс при замкнутости и немноголюдности существующих общин. При этом жизнь рядового члена объединения государственными органами не контролируется. В своих построениях Велимир не ограничивается концепцией

создания славянского общинного «языческого рая» и выдвигает проекты открытия языческих монастырей, школ, партии и, как итог, языческого государства.

Знакомство с территориальными единицами мира «Сторожевой заставы» было бы не полным без рассмотрения системы управления славянской заставой и половецкой ставкой. При кажущемся в результате просмотра картины ярко выраженном различии социально-культурных страт кочевого сообщества и населения Римова аппарат власти диаметральных сил идентичен. В обоих случаях во главе социума находится дуумвират, представленный связкой военной (богатыри, хан) и религиозной (старейшина, шаман) властей. Данная эклектическая модель – военная демократия плюс теократия, согласно материалам идеологов от современного славянского язычества, является наиболее востребованной в среде носителей рассматриваемого мировоззренческого феномена. Данные анкетного опроса 2015 г. (Купальский праздник, район села Игнатьевское Малоярославецкого района Калужской области. Организатор: «Содружество общин Велесов Круг»), проведённого одним из авторов среди рядовых последователей современного русского политеизма и потенциальных язычников, объединённых культовой средой [15, с. 94], подтверждают тезис об исключительном положении, культе «религии и силы», господствующем в данном диаспоральном сообществе [18, с. 25]. Соответственно, наиболее популярными историческими фигурами были названы деятели русской государственности, подчеркнем, правители, в своей политике далёкие от демократических идеалов. Организационные документы языческих групп конца 1990-х – начала 2000-х гг. также изобилуют примерами, утверждающими руководящий статус религиозных лидеров. Отдельные общины «родноверческого» движения либо полностью состоят (состояли) из языческих священнослужителей («Щит Симаргла», «Схрон еж славян», «Волхвы Рода»), либо процент «руководителей-клириков» значительно превышает процент «руководителей-мирян».

Вне системы управления, представленной в фильме, находится загадочная фигура волхва. Образ данного персонажа покрыт ореолом таинственности. Волхв невидим (зритель слышит лишь его голос) и всемогущ. Именно волхв за испытание сообщает мальчику Вите способ, как вернуться в современность. Волхв «Сторожевой заставы» весьма близок образам, создаваемым реальными идеологами современного языческого движения. При этом «текучая мифология» проявляется как в литературном творчестве лидеров, представляющих волхвов прошлого/будущего на страницах своих программных документов и монографий, так и в фигурах самих волхвов XX – XXI вв.

Идея вождизма прослеживается в большинстве работ кировского мыслителя Доброслава. Выделяя волхвов из возможной иерархии служителей и хранителей языческого культа [8, с. 50], автор склоняется к ницшеанским идеям, гиперболизируя волхвов до уровня сверхчеловека [10, с. 10]. Конструируемый теократизм Добровольского воинственен. Волхв не только пастырь, но и ратоборец, несущий, а если необходимо, отстаивающий и насаждающий «Воинствующую Добрую Волю». Нагляднее всего целевые устремления вятского отшельника нашли отражение в столь превозносимом Добровольским духовном мире Германии 1920-1930-х гг. прошлого века [7, с. 66-67]. Выдерживая определённую преемственность, старейшина РОДа («Русского освободительного движения») проектирует если не образы искомого сословия «воинов духа», то необходимый набор качеств теократических вождей в прошлом и настоящем. В конструируемых проекциях идеального общества Велимира (Н. Н. Сперанского) один из главных компонентов выбранного принципа структурной организации – отшельники-волхвы. Они обладают элементами шаманской техники (путешествуют между мирами), молятся богу Велесу и почитаются простыми людьми наравне с богами [4, с. 174-175]. Будучи более тысячи лет в оппозиции, они сами, согласно текстам Велимира, могут обладать вполне осязаемой экономической и политической властью и даже претендовать на звание народного лидера с обязательным практическим опытом в плане следования ладу (дарне). Представляя «следующую» Россию как независимое социалистическое государство с дуумвиратом в виде народного собрания и монархии, младоязыческий лидер наделяет монарха жреческим функционалом. Волхвы же в данной системе должны представлять отдельный гуманитарный институт, напрямую не связанный с властью. В прогнозируемом будущем языческая элита позиционируется ещё и как общечеловеческий мессия, призванный сформировать духовность следующих поколений. Обозначенный круг «жреческо-волховских проблем» духовный руководитель «Коляды Вятичей» предлагает частично решить, создав религиозную школу.

Особый интерес представляет рассмотрение символики «Сторожевой заставы», наглядно представленной в изображениях «Перунова камня» и индивидуальных (нательных) обережных амулетах. Магический камень – центральный артефакт киноленты, ключ от временного портала и сила, управляющая каменным монстром Големом. На «камне Перуна» сценаристы изобразили трискель (трикветр) – трёхлучевой символ. Свастика в различных интерпретациях – один из наиболее «узнаваемых» новоязыческих брендов славянских нативистских сообществ. Соответственно, один из нательных оберегов деда Евсея – «валькнут» – символ скандинавской доавраамической религиозности. Примечательно, что языческие и новоязыческие символы вполне свободно «чувствуют себя» в окружении инорелигиозной атрибутики и обрядности. В частности, показательна сцена фильма, посвящённая совету старших заставы. Цель «вече» – знакомство с историей перемещения во времени Вити. В эпизоде Илья Муромец, другие жители деревни носят нательные кресты, дед Евсей, как уже отмечалось, обладает и языческим оберегом, и христианской ладанкой (?). Представленный синкретизм характерен и для новоязыческих объединений. «Родноверы» России, других славянских государств склонны к смешению традиций. Зачастую главным выступает не этнический компонент носимого или наносимого, в случае татуирования, символа, а его содержание, сама принадлежность амулета к «настоящему» языческому прошлому.

Таким образом, рассмотрение сюжетной линии, основных образов «Сторожевой заставы» позволяет выделить ряд архетипов, характерных для языческих групп, «младоязыческого» мировоззрения в целом. Во-первых, современное славянское язычество в подавляющей массе общин и объединений являлось и является диаспоральным, этноориентированным, полузакрытым объединением, своеобразной эклектикой тайного общества и клуба по интересам. Для «Утопии» в неоязыческом прочтении, при позиционируемом вечевом устройстве социального микромира – «общества равных», – характерно теократическое руководство и ярко выраженный национальный компонент. Во-вторых, значительную роль в популяризации рассматриваемого направления новых религиозных движений играет визуальный компонент. При этом наглядное язычество весьма вариативно и космополитично. В-третьих, современный славянский нативизм характеризуется синкретизмом «всего и вся». Эклектикой наполнены элементы обрядовых практик, источниковая база «родноверия», представленная в опубликованных нарративах современных волхвов, священные символы и религиозный дресс-код.

Список источников

1. **Викернес В.** Речи Варга. Тамбов, 2007. 176 с.
2. **Влх. Велимир.** Волхвы против глобализма // Велимир, Велеслав, Власов. Путь Волхва. Донецк: Каштан, 2007. С. 624-906.
3. **Влх. Велимир.** Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. Троицк: Коляда Вятичей, 2009. 71 с.
4. **Влх. Велимир.** Книга природной веры. М.: Велигор, 2009. 592 с.
5. **Влх. Велимир.** Родноверие. М.: Самотёка, 2012. 269 с.
6. **Гунько Л. П.** Лидерство в новых религиозных движениях: от методологических характеристик к содержательным // Новые религиозные движения в России: двадцать лет спустя: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 78-86.
7. **Доброслав.** Зов Туле. Б.м.: Хлыновский экспресс, 2006. 83 с.
8. **Доброслав.** Мать-Земля: чудо-чудное, диво-дивное. Б.м., б.г. 86 с.
9. **Доброслав.** Наброски моего становления // Последний рубеж. 2008. № 1 (9).
10. **Доброслав.** Язычество: Закат и Рассвет. Киров: Вятка, 2004. 80 с.
11. **Копысов Д. Ю.** Современные нетрадиционные религии. Ижевск: Удмуртия, 2000. 135 с.
12. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Воспоминания А. Степанова. 25.11.2009.
13. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Письмо А. А. Добровольского Р. В. Шиженскому. 06.12.2007.
14. **Личный архив автора статьи Шиженского Р. В.** Расшифровка аудиозаписи интервью Доброслава Р. В. Шиженскому. Д. Васенёво, Шабалинский район Кировской области. 26.03.2011.
15. **Мартинович В. А.** Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: материалы к изучению нетрадиционной религиозности: в 2-х т. Мн.: Минская духовная академия, 2015. Т. 1. 559 с.
16. **Позаненко А. А.** Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 1. С. 129-153.
17. **Шиженский Р. В.** Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. 2017. № 11. С. 25-33.
18. **Шиженский Р. В.** Современный языческий рейтинг исторических деятелей России (по данным полевых исследований) // Colloquium heptaplomeres: науч. альманах. 2015. № 2. С. 19-29.
19. **Шнирельман В. А.** Перун, Сварог и другие: русское неоязычество в поисках себя // Неоязычество на просторах Евразии. М., 2001. С. 10-38.

Archetypes of Modern Slavonic Paganism (by the Example of the Feature Film “The Outpost”)

Shizhenskii Roman Vital'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Zhbannikov Sergei Viktorovich
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
heit@inbox.ru; sergeizhbannikov@mail.ru

By the example of the basic storylines of the Ukrainian fantasy film “The Outpost” (Ukraine, “Kinodel” studio, director Y. Kovalev, 2017), the article examines the key archetypes of the Slavonic XXI-century paganism. Among them, the authors identify the following ones: conceptions of the ethno-oriented Slavonic “Golden Age” (in the movie space: frontier “Rimov”, village “Aistovo”); the original Slavonic administrative system combining elements of military democracy and theocracy (Council of Three Bogatyrs and grandfather Evsey); syncretism of cultic symbolics (simultaneous use of Christian, pagan and neo-pagan symbols within a single ethno-confessional mono-cultural community); sacralization of priests (the sorcerer’s invisibility, his ability to manipulate the space-time continuum, etc.); religious eclecticism (church, the sign of the cross, Veles, Perun, Golem, etc.).

Key words and phrases: modern Slavonic paganism; archetypes; fantasy; sorcerers; syncretism; pantheon.